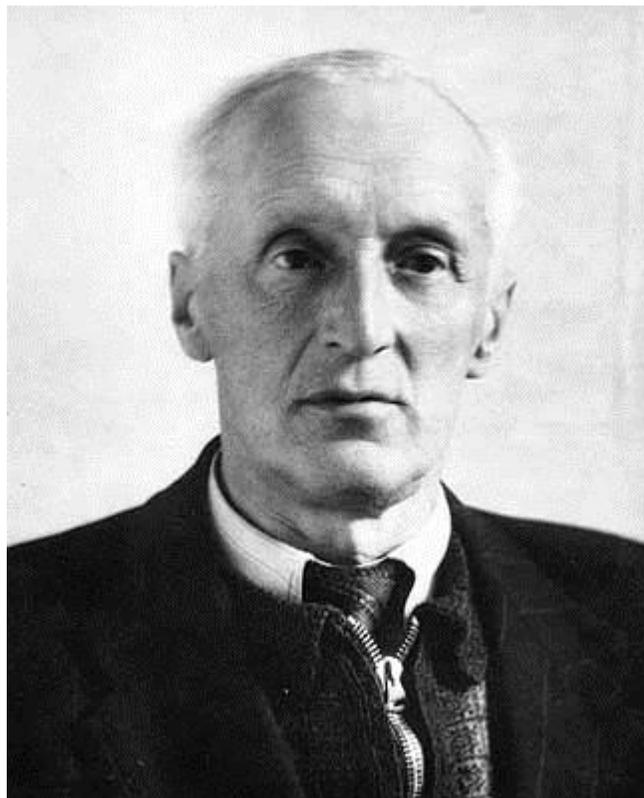

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ИВАНОВИЧЕ ЛУКИРСКОМ

Первые мои встречи с П.И.Лукирским произошли еще в Ленинграде, где он был одним из наших профессоров. Позже мы слышали, что он был арестован как "враг народа", но подробностей мы тогда не знали... А во время эвакуации в Казань судьба снова свела меня с Лукирским.

Нашу семью не покидало беспокойство за судьбу Ленинграда и оставшихся там близких. В марте 1942 г. моя сестра Ася с мужем выбрались отсюда по ледовой дороге, отец же остался там, в братской могиле... Воевавший с Финской кампании брат Левушка теперь оказался в Ленинграде.

С 1942 г. часть московских институтов начали готовиться к возвращению в Москву. Упаковывались и готовились к отъезду и лаборатория Кубецкого, и Институт физических проблем. Стало очень тревожно, составлялись списки возвращающихся: в Москву брали только москвичей, имеющих там жилплощадь, положение же оставшихся было очень неопределенным.

Семья у нас была большая и сложная, почти все не имели отношения к Академии наук - основному нашему кормильцу и поильцу. Моя мама, Вера Моисеевна, работала в казанской организации. Мама мужа имела самое малое - иждивенческую карточку. Мы с Асей обе работали в Академии наук, имели какие-то пропуска в столовую, происходило распределение покупок, которые делались организованным порядком в районе и т.п. И тут выяснилось, что мы обе в положении. Теперь помимо трехлетнего Марка нужно было думать и о двух существах, которые скоро должны были появиться на свет... Но об эвакуации ленинградских институтов речи не было, значит, мне надо было попытаться устроиться в Физико-технический институт, откуда Миша, бывший там аспирантом, ушел на фронт.

Казалось бы, для меня путь в ЛФТИ - самый прямой: я - физик, в Казани

работала в физической лаборатории, до войны была в аспирантуре. Я отправилась на прием к академику А.Ф.Иоффе. Он был сама любезность, все обещал и направил меня к своему заместителю М.С.Соминскому. И тут началось: Соминский говорил "Да!", а делал наоборот! Между тем в лаборатории Кубецкого начали всерьез упаковывать оборудование, отправлялись ящики с запасным оборудованием. Лаборатория продолжала работать, выпускались "трубки Кубецкого", но чувствовалось, что в любой момент все может стронуться с места. А Соминский вел свою, какую-то странную политику: он приглашал меня в свой маленький закуток (именовавшийся кабинетом), рассуждал о святой роли еврейских женщин, о своем долге пойти навстречу, а потом уверял меня, что ничего не может сейчас сделать!

В то время я не могла найти разумного объяснения его поведения. Сейчас я думаю, что тогда были даны инструкции об уменьшении числа сотрудников с "дурными" фамилиями в Академии наук - тем более, что это было связано с возвращением в Ленинград! В ту пору мне такие мысли и в голову не приходили - я была стопроцентной интернационалисткой (каковой и осталась!), а антисемитизм приписывала только Гитлеру.

Да, нелегко было в преддверии декретного отпуска искать новое место работы - и вот тут-то я и столкнулась на лестнице университета с Петром Ивановичем Лукирским.

... Он был нашим профессором в ЛГУ и читал нам "Курс электронной теории" на четвертом курсе и "Строение вещества" - на пятом. Читал в очень хорошей манере - строго, но в высшей степени понятно. Обладая талантом популяризатора, он всегда умел сложный новый материал изложить так, что заражал своим интересом, все казалось ясным, и только этими вопросами и хотелось заниматься в будущем! На лекциях вел себя очень сдержанно, не допускал никаких шуток, был строг и не улыбочив - по крайней мере таким казался. Я не представляла себе, что к нему можно подойти, о чем-то спросить, хотя наши студенты это делали... Впрочем, тогда я была очень застенчива, однако на экзамены к нему шла с подъемом и вполне заслуженно получала пятерки. Госэкзамен в декабре 1937 г. я также сдала ему очень хорошо.

Надо сказать, что в ЛГУ вообще был блестящий подбор лекторов: Фриш, Фредерикс, Смирнов, Бронштейн, Константинов... Это были "боги на Олимпе"! Я как-то никогда и не задумывалась, как они живут, чем интересуются помимо своей работы. О Петре Ивановиче Лукирском, впрочем, я слышала, что он спортсмен, теннисист, имеет яхту и ходит на ней в дальние походы... И вдруг мы узнаем, что почти все они арестованы как "враги народа". Что? Как? Почему? В то время не полагалось интересоваться - слишком часто и необъяснимо исчезали люди...

Так вот: мне рассказали, что Петр Иванович вернулся - вернулся из мест, откуда не возвращаются! Говорили, что за него хлопотал А.Ф.Иоффе, а также другие видные ученые: О.Ю.Шмидт, Н.Н.Семенов и др. Как же им это удалось?..

Бог мой, как он был худ, как плохо одет и как на нем висел пиджак! Я

обратилась к нему, напомнила о себе, рассказала о полугодовой аспирантуре у профессора Наследова, о работе у Кубецкого, об отъезде института геофизики в Москву и предложила себя в сотрудники.

- Да, конечно, я организую лабораторию, мне люди нужны!

Так в мои переговоры с Соминским вошла еще одна новая линия - согласие на мою работу в лаборатории члена-корреспондента Академии наук Петра Ивановича Лукирского, и тем не менее дело тянулось...

В конце апреля очень тяжело болел мой сынишка Марик... Я боялась его потерять, спас его только с трудом добытый, только что появившийся пенициллин... Второго мая меня уговорили выйти на улицу, посмотреть на праздничную Казань. Действительно праздничную: и праздник 1-го Мая, и разгром немцев под Сталинградом! Я смотрела по сторонам дикими глазами, не в силах все понять...

На следующий день я отправилась на рынок с серьезным заданием: надо было поменять бутылку водки, полученную по карточкам, на что-нибудь съедобное. Но милиционер повел меня в участок. Там, правда, старший, поглядев на мою фигуру, фыркнул: "Нашел, кого водить!". И обратившись ко мне, произнес: "Брысь, тетка, чтобы мы тебя не видели!". Бутылка водки была оставлена в участке...

А 5 мая появилась на свет моя дорогая дочка Ирочка!

Совсем вернулся в Москву институт геофизики, и наконец-то я стала сотрудником лаборатории П. И. Лукирского Физико-технического института!

... Большая солнечная комната, у окна - стол шефа, еще две сотрудницы: Ирина Викторовна Мочан и Татьяна Васильевна Царева. Обе старше и опытнее меня, у обеих я готова учиться, перенимать приемы работы. Вспоминаю пайку стекла, собираю вакуумную установку; обе сотрудницы проводят какие-то свои независимые исследования (не помню точно, какие), я же являюсь личным лаборантом шефа. И так хорошо здесь дышится, так все весело, дружелюбно!

Однажды я разбила огромную склянку и была просто в отчаянии! Но это оказалось поводом не для укоров, а для веселья!

Очень интересные люди, большие ученые приходили к Петру Ивановичу и надолго усаживались поговорить у его стола; часто бывали профессора Гросс, Павлов, Арцимович и др. Позднее появился новый сотрудник - Муся Ципкин, приехавший из Ленинграда, и на большом столе напротив моей установки стал собирать свою.

Когда мое "изделие", казалось, уже подошло к концу, исследования возглавил Петр Иванович. Я сейчас и не помню цели этих опытов, но все они кончались печально: что-то лопалось, где-то нарушался вакуум, требовался капитальный ремонт... Вероятно, шеф был не слишком осмотрителен, а я его слушалась беспрекословно. Я начинала все латать, готовить почти с самого начала, а Ирина Викторовна ворчала: "Ну, что вы, Лилечка! Разве можно позволить Петру Ивановичу хозяйничать? Он ведь всю лабораторию разнесет!". Я же не могла серьезно относиться к этим замечаниям и во всем винила себя, хотя какое-то зерно

истины в этом могло быть и, видимо, было: Петр Иванович всегда был инициатором проведения экспериментов, но не их исполнителем.

Он постоянно был связан с работами радиевого института, приходил туда, и сотрудники этого института часто появлялись в нашей комнате.

Одной из самых ярких черт характера П. И. Лукирского было умение собрать, разговорить, заинтересовать людей. Ему всегда были нужны слушатели - внимательные, заинтересованные - это относилось ко всему, что бы он ни делал, о чем бы ни помышлял. Так опять возникли, хоть и не совсем четко оформленные, семинары Лукирского.

Одно время он начал писать книгу - то ли новый учебник, то ли что-то иное... Очередные страницы, куски следующей главы, отдельные положения высказываемых идей - ему нужно было все это прочитать, рассказать: вероятно, для него это было способом окончательной "доводки" мысли, ее выражения... Я была активным слушателем всего, что шефу хотелось изложить, а ему хотелось рассказать и о своей юности, и об ужасах пережитого в 1938 г., и о своем чудесном возвращении.

Родом Петр Иванович был из Новгорода. И юность его связана с озером, с дальними походами на яхте. Страстный спортсмен, страстный яхтсмен - вообще человек, страстно любящий жизнь и все, что она дает прекрасного! И наука была для него тем участком жизни, где можно с увлечением решать загадки, которые задает Природа.

Блестяще закончив гимназию, Петр Иванович поехал в Петербург и стал студентом физического факультета университета. На встречах студенческого землячества новгородцев он познакомился со своей будущей женой - студенткой-медицей. У них с Елизаветой Николаевной было трое детей: Марианна, Андрей и Дмитрий. Все они с трудом пережили блокаду Ленинграда. Младший сын был при матери в госпитале, где она работала. Она отдавала ему почти весь свой паек, но мальчик тем не менее тогда совсем перестал ходить...

В нашу лабораторию Елизавета Николаевна иногда заходила - главным образом для того, чтобы побудить Петра Ивановича "пойти по начальству" по поводу дров, квартиры и т.п. Все пережитое ею за тяжелые годы не прошло бесследно - это была немолодая, худая, изможденная женщина...

Татьяна Васильевна Царева была не только старшим сотрудником Петра Ивановича (у них было много совместно выполненных работ), но и испытанным другом его семьи. После ареста Лукирского многие "не узнавали" его жену, обходили ее издали, а Татьяна Васильевна не только не прекращала связь с семьей "врага народа", но и вместе с Елизаветой Николаевной отстаивала в очередях на передачу и за справками...

В журнале "Звезда" №10 за 1996 г. опубликованы заметки историка физики доктора физико-математических наук В. Я. Френкеля "Трудные годы Петра Ивановича Лукирского". В этих заметках приведены протоколы всех допросов Лукирского; в конце каждого протокола - запись слов заключенного: "Виновным себя ни в чем не признаю"...

Приведу здесь заявление Лукирского на имя начальника НКВД Ленинградской области:

" 2 апреля 1938 г. я был арестован и мне было предъявлено обвинение в принадлежности к ликвидированной 2 года назад группе контрреволюционеров физико-теоретиков, к которой я никогда никакого отношения не имел.

Обвинение было основано на показаниях профессоров: Е., А., Г. и неизвестного мне гражданина Д. Показания всех этих лиц были чистой клеветой. Отношения мои с профессором Е. <...> всегда были враждебными и бесспорно этим вызваны его показания. А. и Г. в своих показаниях сочли антисоветски настроенными всех физиков Советского Союза. Что же касается гр. Д., которого я никогда не знал, то его показание, что я будто бы поддерживал работавших у меня Гамова и Тувима, является ложным, так как эти лица никогда у меня не работали.

По-видимому, убедившись в полной необоснованности обвинения меня в принадлежности к какой-либо группе, следователь стал искать других поводов для обвинения, базируясь на каких-то слухах, будто бы слышанных Д. от третьих лиц. Никаких прямых свидетельских показаний лиц, не находящихся в заключении, мне предъявлено не было.

Следователь Божичко, который вел мое дело, применял ко мне незаконные методы следствия: допрос велся в течение семи суток, без перерыва для сна, меня заставляли стоять по 36-40 часов подряд, во время стояния били и издевались.

При этом никаких попыток разобраться в существе дела следователь не предпринимал - от меня требовали только подпись под заявлением, что я контрреволюционер. Несмотря на применение насилия, такого заявления я не подписал. Следователь не дал мне возможности написать подробные и обстоятельные объяснения по делу. Очных ставок с лицами, давшими показания против меня, не было.

Присутствующий на допросах Литвин не только не изменил ход следствия, но и способствовал незаконным действиям следователя Божичко. О неправильном ходе следствия я неоднократно писал из тюрьмы Прокурору СССР, но эти письма по-видимому не дошли по назначению.

Никакой контрреволюционной деятельностью я абсолютно никогда не занимался, я всегда был честным советским ученым, отдававшим всю свою жизнь науке и воспитанию молодежи. Я еще полон творческих сил и энергии, которую я надеюсь отдать родной науке и технике.

Прошу пересмотреть мое дело и дать мне возможность опровергнуть клевету, из-за которой я теперь оторван от жизни страны, от науки, от молодежи.

22/IV 39 г.

П. Лукирский

Соликамск, Усольлаг, Котомышский лагпункт, 3-я командировка".

Позднее мне стало известно, что за арестованного Лукирского вступился А. Ф. Иоффе: он поехал к начальнику управления НКВД по Ленинградской области и уверил его в том, что Лукирский не может быть виновным в антисоветской деятельности и что это обвинение - клевета врага. Начальник управления обещал

лично ознакомиться с делом Лукирского и о результатах сообщить Иоффе.

...Время шло, Лукирский находился в заключении. Он вспоминал, что с ним в тюрьме одно время находился маршал Рокоссовский, который призывал заключенных не поддаваться провокациям, быть стойкими и не подписывать ложных показаний - самооговоров... Между тем родным стало известно, что ученый находится в очень тяжелых условиях. Тогда Иоффе решается на такой шаг - он пишет на своем официальном бланке следующее письмо Лукирскому :

"Академик А. Ф. Иоффе
директор
Физико-технического института АН СССР
Ленинград, 21, Сосновка, 2 тел. 1-89-78
30 июня 1940 г.

Дорогой Петр Иванович!

От Елизаветы Николаевны узнал Ваш адрес. Мы надеемся, что Вы скоро вернетесь в среду советских физиков, где Ваше отсутствие весьма болезненно ощущается. Ленинградский университет не может найти лица, которое хотя бы частично заменило Вас и ждет Вашего возвращения на кафедру, на которой Вы воспитали столько прекрасных учеников. Но больше всего Ваше отсутствие чувствует советская электрофизика и электрофизическая промышленность, для которых Вы были высшим авторитетом. Ваш блестящий экспериментальный талант и обширные знания совершенно необходимы для успешной работы. Здесь никто не может Вас заменить. Это не только мое личное убеждение, но и единодушное мнение всех физиков и радистов, высказанное на разных конференциях по электронным явлениям. Там было немало Ваших учеников и я, Ваш учитель, которому Вы особенно дороги не только как выдающийся ученый, но и как близкий друг, которого мы привыкли уважать. Мы убеждены, что та ошибка, приведшая к Вашему осуждению, разъяснится, что моральная и политическая чистота Ваших мыслей и действий будут выяснены. Вы знаете, что наша социалистическая родина выросла. К нам пришли по свободному единодушному выбору народы Эстонии, Латвии и Литвы, вернулась Бессарабия. Время наше такое, что необходимо объединить все силы нашей родины. Надеюсь, что скоро и Вы будете работать вместе с нами. Дружеский привет.

Ваш А. Иоффе."

(Из личного архива Е. Н. Лукирской)

скоре жена Лукирского узнала, что письмо дошло, и Петр Иванович переведен на более легкую работу. Абрам Федорович Иоффе продолжал свои хлопоты. В октябре 1942 г. Петр Иванович был освобожден и полностью реабилитирован.

В годы заключения Петр Иванович находился сначала в бериевской тюрьме, затем в лагерях: Усольлаге, "шарашке" под Боровичами, в тундре Печорского края.

Вот текст его письма к старшему сыну Андрею (апрель 1941 г., Боровичи):

"Дорогой мой Андрюша! Поздравляю тебя с днем рождения. Посылаю

поздравление заранее, с таким расчетом, чтобы оно не опоздало. Андрюша, дорогой мой! Тебе уже 13 лет. Мне так хотелось бы с тобой обо всем поговорить, так хотелось бы, чтобы ты все подробно рассказал про свою жизнь, про свои занятия, про свои игры и шалости и про свои успехи в спорте. Мне очень хотелось бы помочь тебе во всех твоих делах и поддержать тебя во всех хороших и полезных начинаниях. К сожалению, я сейчас это сделать не могу. Однако я очень надеюсь, что и без меня ты будешь работать над собой, и развиваться и расти так, как хотел бы твой папа.

Андрюша, дорогой мой! Если бы ты знал, как хотелось бы мне быть с тобой. Все время с нашей дорогой мамой, с Ксюшей и Митюхой - всем вместе и работать, и учиться, и веселиться, как в старое доброе время. Я очень прошу тебя и всех: без меня живите дружно и хорошо - так же, как если бы я был с вами. А мне пишите как можно чаще и подробнее про вашу жизнь, так как я живу только вашей жизнью. Ведь своей у меня нет.

Родной мой Андрюша! Твой папа очень любит тебя и гордится тобой. Работай над собой, занимайся, расти так, чтобы когда твой папа вернется к тебе, он с такой же радостью, любовью и гордостью вошел в свою любимую дружную и сплоченную семью.

Андрюша, дорогой! Берегите нашу мамочку, без меня ей жить тяжело, облегчайте ей всячески эту тяжесть...

Крепко-крепко обнимаю тебя, родной Андрюша. Обними от меня дорогую маму."

(Газета "Политехник" Изд. С.-П. Технического Университета, 30 ноября 1994 г.)

..Петр Иванович вспоминал: "Там, на канале, жилось даже ничего! У местного начальства что-то не получалось с гидротехникой, приходилось подумать, повспоминать Архимеда и Паскаля! Это было ничего!.. Но вот с июня 1941 все изменилось! Посадили в теплушки и повезли... повезли... неведомо куда... Только позднее узнали о войне с немцами...

Да, а потом была Печора, лесоповал... Круто приходилось... Доходил я... И тут - чудо! Нет, не чудо - люди! Черт знает, многие люди меня узнавали. Где встречались? Как? Когда? Я и не помню, а мне вдруг - помощь - то кусок хлеба, то еще что... А тут кто-то нашелся - перевел меня в банщики! Ну, святая работа! Если бы не этот вошебойный цех - я бы не выдержал! Вдруг вызывают к начальству - свободен, говорят!.." Вот что пишет по поводу освобождения Лукирского из лагеря сотрудница кафедры В. Н. Лепешинская (в "Сборнике памяти А. Ф. Иоффе", ЛФТИ, 1993-1995 г.г.):

"Помню рассказ Петра Ивановича об освобождении. Вызвали его к лагерному начальству, сказали, что дело его пересмотрено и объявили об освобождении, П. И. не сказал ни слова (от него, видимо, ждали благодарности), взял бумаги, буханку хлеба на дорогу, и пошел тайгой до ближайшей станции железной дороги (70 км). Этот путь был очень опасен: по тайге бродили бежавшие из лагерей уголовники, а для них самое важное было добыть документы и еду. Но П. И. благополучно

добрался до станции и втиснулся на проходящий поезд на "большую землю". Так как денег у П. И. не было, то он зарабатывал их на погрузке дров для паровоза, да еще кто-то дал ему займы! В общем вагоне, везшем его в Казань, где находился ЛФТИ и его семья, какая-то старушка предложила ему свою еду, сказав, что видит, откуда он едет..."

Петр Иванович вспоминал: "Казань! Родные, близкие люди! Физтех! Вскоре совещание в Свердловске... Еле-еле меня обрядили! В чужих штанах! Не мог себе представить, что все это - правда! И - чуть ли не самое сильное ощущение: те же самые энкеведешники - нас охраняют, но совсем не так, как там, тут - на страже Академии наук! А там я был "зек"!..."

И вот, когда Лукирский уже вернулся из лагеря, и я работала вместе с ним в Казани, произошла такая история. ...Как-то раз мне в лабораторию принесли Ирочку. Ей было несколько месяцев, но она очень гордо держала головку. Петр Иванович поклонился юной гостье и поцеловал ей ручку!

Позднее Петр Иванович заинтересовался поведением монокристаллов при их нагревании, и я занималась выращиванием монокристаллов из разных солей. Помню, как наматывала нихром на асбестовое цилиндрическое основание и создавала зону, в которой происходило постепенное изменение температуры. Надо было из этой своеобразной печи медленно вынимать расплавленную соль, тогда при правильно выбранной скорости подъема можно было надеяться, что монокристалл вырастет!

Оказалось, что для одной из солей весь опыт не удастся выполнить за рабочий день. И я совершила такой подвиг: принесла на работу тюфячок, маленькую подушку, одеяло и заночевала в пустой лаборатории. Должна сказать, что мне было довольно неуютно и даже страшно - больше всего я боялась мышей и крыс! Но этот героизм оказался не напрасным - кристалл вырос! Восторгу шефа не было границ! Из полученного монокристалла опытным токарем была выточена сфера, затем ее медленно нагревали в термостате, и ко всеобщему изумлению через некоторое время из сферы образовывались плоскости, характерные для этого монокристалла. Это явление тотчас фотографировалось. Результаты исследований на этих монокристаллах при их нагревании было опубликовано в статье "Исследование равновесных фигур поверхности монокристалла" в Сборнике рефератов научно-исследовательских работ за 1944 г. Отделения физ.-мат. наук Академии наук СССР; 1945 г. С. 38. Эти работы Лукирского послужили толчком к развитию нового направления в кристаллографии и созданию приборов с использованием микроэлектроники.

... Еще из воспоминаний Петра Ивановича: часть времени в лагере он провел с Львом Александровичем Зильбером, известным в науке своими вирусогенетическими идеями происхождения рака. В лагере Зильбер проявил себя уникальным ... сапожником, создававшим для своих друзей буквально из ничего фантастическую обувь, идеально подходящую к местным условиям...

А недавно в повести В. Каверина "Старший брат" (журнал "Дружба народов" №4, 1989 г.) я прочитала, что одно время в лагере Зильбер и Лукирский занимались созданием самодельных пробок к емкостям, в которых перевозилась настойка хвои - противоцинготного витамина для заключенных. В дальнейшем Зильбер был избран академиком - в том же 1945 году, что и Лукирский, но - в Академию медицинских наук...

... А тем временем начали поговаривать о возвращении в Ленинград, ведь блокада была снята, и жизнь в Ленинграде постепенно налаживалась. Начали и мы подумывать об упаковке оборудования. Подходил декабрь 1944 года, 1-го декабря мне исполнилось тридцать лет - солидный возраст!..

А Петр Иванович как-то заговорил о своем дне рождения: 17-го декабря ему исполнялось 50 лет - юбилейная дата! Он казался очень взволнованным: как все же - вспомнит кто-нибудь об этом событии или нет? Было в нем что-то очень ребячливое, очень мальчишеское! Люди всегда его очень любили, но тут он явно волновался, не зная - "будет или не будет". Абрама Федоровича Иоффе в Казани в то время не было, и Петр Иванович почему-то считал, что тот о нем "забыл". У него все было "вслух", я во всяком случае была поверенной этих его волнений и сама начала волноваться за него. Семнадцатое число приближалось - и тут я решилась! Это было воистину самое первое мое "организационное" деяние. Я пошла к Русинову - председателю нашего месткома, очень приятному человеку, занимавшемуся вместе с Бреслером, если мне не изменяет память, физикой полимеров. Я рассказала ему о юбилейной дате, и он начал действовать: связался с Иоффе, была создана комиссия по проведению юбилея Петра Ивановича - одним словом, все "закрутилось"! Я в этом не участвовала, только радовалась организационной суете. Все мы, однако, к такому событию старались себя приукрасить: были и у меня волнения по поводу наряда (которого у меня попросту не было!), был "поход" в парикмахерскую! Составлялась программа выступлений, обсуждалось, кому из "молодых" дать слово - мне или Марине Александровой, аспирантке Петра Ивановича по радиевому институту... Тут я решительно заявила: "Я буду говорить!".

Волновалась я ужасно (даже не помню ничьих выступлений), но сказала какие-то очень искренние и необычные слова - что-то вроде того, что в лаборатории Петра Ивановича всегда солнечно, всегда радостно, что нам досталось большое счастье - работать под его руководством, быть рядом с таким человеком, что все интересно и жить прекрасно! Не ручаюсь за точность передачи своей речи, но первое в моей жизни подобное выступление было очень тепло принято и юбиляром, и всеми присутствующими. Официальная часть вскоре закончилась, и меня тотчас пригласил танцевать, кажется, Желепов, затем еще кто-то, а потом я так расхрабрилась, что пригласила танцевать самого юбиляра. Тут-то я в ужасе поняла, что наш спортивный шеф начисто лишен музыкального слуха и ритма, и что мы танцуем на какой-то "собственной частоте"! Тем не менее - как ни странно - у нас что-то получалось, во всяком случае, мой партнер был доволен... Все вообще прошло чудесно! Петр Иванович всегда обладал даром привлекать к себе

людей - и здесь порыв был очень искренним, все было непринужденно и весело! На следующий день Петр Иванович обращался ко всем входящим, показывая на меня: "Никогда не подозревал: и речи произносит, и танцует, как бабочка!". А "бабочка" только смеялась и радовалась...

Начался период окончательной упаковки всего оборудования, приготовлений к возвращению в Ленинград. Правда, еще летом 1944 г. И. В. Курчатов отозвал моего мужа из армии, и он работал в Москве, но до самого отъезда я считала (из писем мужа, конечно), что ряд организуемых Курчатовым исследований будет проводиться в Ленинграде - и наше семейство объединится под крышей ЛФТИ. Наконец, объявили об отъезде, погрузили лабораторный багаж, и началась погрузка нашего семейного "барахла". Его иначе и нельзя было назвать, хотя все это были вещи насущной необходимости: запасенная на зиму картошка, ветхое бельишко, детские вещи, кастрюльки, керосинка... И при этом сохранялась полная неясность: где будет работать муж: в Москве или в Ленинграде - и куда же нам двигаться?

Покидаем дорогу Казань... Много трудного было пережито, но это было наше убежище, наш дом, это место рождения нашей маленькой Ирушки! И сколько встреч, сколько людей, сколько добра от простых казанцев!

Ехали медленно - ведь еще был февраль 1945 года, нас обгоняли составы с грузом для фронтов, с красноармейцами, мы пропускали поезда со знаком красного креста...

И только уже при подъезде к Москве я узнала, что моему семейству следует сойти на станции "Покровское-Стрешнево" в пригороде Москвы! 15 февраля 1945 года: прощание с мамой (она едет в Ленинград к сыну), с друзьями, с Петром Ивановичем! Веселые физтеховцы лихо сгружают на платформу все мое хозяйство, бабушку и ребяташек...

Так началась наша московская жизнь, но и в последующие годы я встречалась с Петром Ивановичем и его семьей, с Татьяной Васильевной Царевой. Несколько раз я бывала в Комарове под Ленинградом на чудесной даче Лукирских. Территорию участка пересекал глубокий овраг, соседи по даче выражали Петру Ивановичу большие сожаления по этому поводу, а он... соорудил систему лестниц через этот овраг - и получилась удивительно поэтическая дорога к заливу...

Однажды я была приглашена на прогулку по заливу на яхте. Как гордился этот знаменитый физик своим капитанским званием, рассказывая нам об экзаменах, которые пришлось ему сдать, чтобы получить права на управление яхтой во всех морях и океанах... Запомнился мне один маленький эпизод: подъезжаем мы на машине к воротам яхт-клуба, женщина-

дежурная открывает ворота, Петр Иванович высовывается из машины и протягивает ей какую-то купюру (три, пять рублей - не знаю). "У нее куча детей, надо же помочь", - поясняет он мне...

Да, яхта была его великой страстью! Еще в Казани, вспоминая свой арест, блокаду Ленинграда (в которой оставалась его семья), он задумчиво и благодарно говорил о жене: "И детей спасла, и яхту сохранила - как только ей это удалось?!".

В те годы в нашей московской квартире мог вдруг раздаться телефонный звонок, и я узнавала голос Петра Ивановича: "Потрясающие теннисисты! Такое спортивное чудо! Можете приехать к театру Советской Армии? Там позади музея Вооруженных сил - теннисный корт. Приедете?"

Теннис сам по себе - красивый вид спорта, но особенно приятно было при этом видеть оживленное лицо Петра Ивановича! "Заразил" он теннисом и своего сына Андрея. Нужно отметить, что Андрей Петрович Лукирский (1928 - 1965 г.г.) полностью оправдал надежды отца. В 1950 г. он успешно окончил физико-механический факультет ЛПИ по кафедре технической электроники, чрезвычайно продуктивно работал в ЛГУ, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, имел звание профессора. Стал мастером спорта по теннису, несколько лет был чемпионом Ленинграда, считался одним из ведущих теннисистов страны.

Хочется еще привести здесь и воспоминания доцента кафедры физической электроники Н. Г. Баньковского, который говорил, что "Лукирский обладал покоряющей интеллигентностью.

Петр Иванович принадлежал к тем редким людям, встреча с которыми, даже кратковременная, оставляет неизгладимый след не только в памяти, но и в самой судьбе.

Мои последние студенческие годы совпали с тем временем, когда кафедра технической (впоследствии - физической) электроники, возглавляемая Петром Ивановичем, переживала трудный период восстановления после разрушительных военных лет. Попав в лаборатории кафедры, я увидел, сколь сложные задачи приходилось решать ее руководителю и коллективу, чтобы обеспечить каждому

студенту старших курсов и дипломанту возможность выполнять самостоятельную научно-исследовательскую работу. Необходимо было иметь хотя бы минимальное лабораторное оборудование, а его почти не было. Доходило до того, что некоторые невесть какие измерительные приборы или источники питания использовались на разных экспериментальных установках посменно, иногда даже по ночам. Из-за места в этой очереди порой возникали нешуточные конфликты.

Несмотря на эти трудности, Петр Иванович не допускал никаких отклонений от внедрявшегося им принципа обучения будущих физиков: каждый должен в стенах института научиться практике научного исследования, проявляя максимум творческой самостоятельности. Чтобы создать необходимые для этого условия, приходилось решать многие материально-технические и организационные проблемы. Петр Иванович не оставался в стороне от этой "черновой" работы, и многого удалось добиться благодаря его огромному авторитету как в академических кругах, так и среди работников ведущих промышленных предприятий.

Студенты знали, что тема каждой научной работы либо инициирована руководителем кафедры, либо согласована с ним. И в дальнейшем они постоянно ощущали внимание Петра Ивановича к ходу исследований. Это внимание никак не походило на назойливую мелочную опеку - наоборот, Петр Иванович предоставлял полную самостоятельность, но студенты часто убеждались в том, что он всегда знает о ходе работы, об использованных методических решениях и о полученных результатах.

Хотя Петр Иванович был сверх меры загружен работой в академических институтах и кафедре мог уделять не так уж много времени, он был удивительно доступен для студентов. Нуждавшиеся в консультации или помощи академика обязательно получали и то, и другое. Каждая такая беседа всегда была событием: поражало в одном человеке сочетание многих очень важных для руководителя черт. Во-первых, ясный ум, позволявший уловить суть проблемы, отделить ее от всего второстепенного, проанализировать ее просто и убедительно. Во-вторых, научная эрудиция: казалось, не было такой проблемы в физике и смежных с ней науках, в которых он не разбирался бы. В-третьих, выдающаяся память: например, он мог, почти не задумываясь, сообщить не только суть какой-нибудь даже давней публикации, но и многие ее детали, а также дать ссылку на источник. В-четвертых, высокая общая культура: например, однажды он более часа вел беседу об эпохе Петра Первого, анализировал - очень глубоко и интересно - особенности личностей императора и его сына Алексея, нередко обсуждал театральные постановки, литературные публикации. В-пятых, щепетильная порядочность и непреложная принципиальность: будучи по натуре и по поступкам человеком исключительной доброты, он в то же время был нетерпим к людям, запятнавшим себя безнравственными поступками. И наконец, Петр Иванович обладал покоряющей интеллигентностью в самом широком смысле этого понятия.

Входя в кабинет Петра Ивановича, каждый студент попадал в притягательное поле своеобразного обаяния этого замечательного человека. Прежде всего поражал

его взгляд: он сочетал энергию и волю с внимательной добротой, порой в нем проскакивали искорки редкого для немолодого уже человека задора, а может - и озорства. Он сразу овладевал разговором, умело и четко вел его. Речь его была образной и очень правильной (сказывалось классическое гимназическое образование). Он любил и понимал юмор, пустопорожня болтовня в его обществе была невозможна. Итогом беседы обязательно были конкретные решения обсуждавшихся проблем, и чисто научных, и так называемых "жизненных", которых в те нелегкие годы у студентов возникало более чем достаточно.

Я встретился с Петром Ивановичем уже на исходе его жизненного пути. Он пережил много светлого и мрачного, радостного и трагического - все это сплывало в богатейший жизненный опыт, сделавший его обладателя мудрецом."

(Газета "Политехник" Изд. С.-П. Технического Университета, 30 ноября 1994 г.)

...А мои встречи с Лукирским 1951-1952 годов были невеселыми. Дело в том, что мой муж - одним из первых еще в 1948 г. защитивший в лаборатории Курчатова диссертацию на звание кандидата физических наук, успешно занимавшийся в последующие годы разделением изотопов, участвовавший в запуске завода по производству тяжелой воды - оказался... безработным!.. Я же с 1945 г. работала в области биофизики, а в последний период - в лаборатории биохимии рака, которой руководил академик Б. Збарский. Он был арестован, исчез... лаборатория уничтожена - и я тоже оказалась не у дел...

Как огорчился всей ситуацией тех лет Петр Иванович, как старался внушить нам надежду, что вся эта нелепость скоро кончится!.. Он рассказывал, что ему как-то удавалось кого-то устроить, помочь. Как он хотел, чтобы все это черное исчезло навсегда! Какой же это был добрый, хороший человек!

Потом он заболел: конечно же, годы, проведенные на лесоповале, подорвали его здоровье - он умер, не дожив даже до своего шестидесятилетия...

Мне рассказали, как умиравший Петр Иванович размышлял вслух: "Понятно: тело человека - в молекулы, атомы и еще мельче, но куда исчезают мысли, привязанности, любовь?". Да, этого никто не знает...

Москва, 1999